

МОРОЗОВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

Кузбасский институт ФСИН России (Новокузнецк, Россия)

morozovlalex@yandex.ru

СУХАРЕНКО АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Центр изучения новых вызовов и угроз национальной безопасности
Российской Федерации (Владивосток, Россия)

sukharenko@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 210.1 УК РФ «ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ» (СТАТЬЯ ВТОРАЯ)¹

Аннотация. Предмет исследования – состав преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ. Цель исследования – решение научной проблемы определения субъекта и объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ. В процессе исследования использовались историко-правовой, хронологический, формально юридический методы. В результате исследования был установлен субъект преступления, субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии». Рассмотрены различные подходы к данному статусу: 1) как преступное состояние («занятие» – свершившийся факт) и 2) как стремление к преступному состоянию («занятие» – процесс, направленный на достижение преступного состояния). Проведен сравнительный анализ «лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии» в качестве специального субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, и иных специальных субъектов преступлений, предусмотренных УК РФ, а также сравнительный анализ субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ и ч. 1.1 ст. 210 УК РФ. Рассмотрена конкуренция составов преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ. Проанализированы различные научные подходы к соотношению понятий «вор в законе» и «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» в рамках формального, функционального и формально-функционального критериев определения лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

Ключевые слова и словосочетания: вор в законе, положенец, смотрящий, организованная преступность, преступное сообщество, преступная организация

Для цитирования: Морозов А.С., Сухаренко А.Н. Актуальные проблемы квалификации деяния, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» (статья вторая) // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 110-120; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-110-120

MOROZOV ALEXEY SERGEEVICH

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russia)

¹ Окончание. Морозов А.С., Сухаренко А.Н. Актуальные проблемы квалификации деяния, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» (статья первая) // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 1(65). – С. 96-105.

**ACTUAL PROBLEMS OF QUALIFICATION OF THE ACT
PROVIDED FOR BY ARTICLE 210.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE
RUSSIAN FEDERATION «OCCUPATION OF THE HIGHEST POSITION
IN THE CRIMINAL HIERARCHY»
(ARTICLE TWO)¹**

Annotation. The subject of the study is the composition of the crime under Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The purpose of the study was to solve the scientific problem of determining the subject and the objective side of the crime under Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. In the course of the research, the historical-legal, chronological, formally legal method was used. As a result of the study, the subject of the crime, the subjective side of the crime provided for in Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation «Occupation of the highest position in the criminal hierarchy» was established. Various approaches to this status are considered: 1) as a criminal state («occupation» is a fait accompli) and 2) as a desire for a criminal state («occupation» is a process aimed at achieving a criminal state). A comparative analysis of the «person occupying the highest position in the criminal hierarchy» as a special subject of a crime provided for in Part 4 of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation and other special subjects of crimes provided for in the Criminal Code of the Russian Federation, as well as a comparative analysis of the subject of a crime provided for in Part 4 of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation and part 1 of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation. The competition of the elements of crimes provided for in Part 4 of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is considered. Various scientific approaches to the correlation of the concepts of «thief in law» and «person occupying the highest position in the criminal hierarchy» within the formal, functional and formal-functional criteria for determining the person occupying the highest position in the criminal hierarchy are analyzed.

Key words and word combinations: thief-in-law, poser, looker, organized crime, criminal community, criminal organization

For citation: Morozov A.S., Sukharenko A.N. Actual problems of qualification of the act provided for by article 210.1 of the criminal code of the Russian federation «Occupation of the highest position in the criminal hierarchy» (article two) // *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. – 2023. – № 4(68). – P. 110-120; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-110-120

В предыдущей статье под таким же названием [1, с. 96-105] были рассмотрены: объект преступления, объективная сторона

преступления, момент окончания преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ; «занятие» высшего положения в преступной иерархии как процесс и как результат противоправной деятельности субъекта; проведен сравнительный анализ двух подходов к квалификации деяния, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ: уголовной ответственности за приготовление к совершению рассматриваемого преступления и уголовной ответственности за совокупность преступлений, совершаемых лицом с целью занятия высшего положения

в преступной иерархии. Также были рассмотрены вопросы: конкуренции приготовления к преступлению, совершаемому с целью занятия высшего положения в преступной иерархии и приготовления к преступлению, предусмотренному ст. 210.1 УК РФ; определения момента окончания преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ. В данной статье речь пойдет о субъекте и субъективной стороне преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии».

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, является физическое вменяемое лицо, достигшее ко времени совершения преступления возраста 16 лет. Царев Д.А. и Павлов А.А. отмечают, что возраст

¹ *Ending.* Morozov A.S., Sukharenko A.N. Actual problems of qualification of the act provided for by article 210.1 of the criminal code of the Russian federation «Occupation of the highest position in the criminal hierarchy» (article one) // *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. – 2023. – № 1(65). – P. 96-105.

уголовной ответственности за данное преступление должен наступать при достижении лицом 14 лет, т.к. имеют место быть редкие случаи, когда несовершеннолетние выполняли функции лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, в возрасте 14 лет [2, с. 160]. С данным предложением трудно согласиться, т.к. отдельный случай (казус) не может ложиться в основу правового регулирования общественных отношений.

При определении субъекта преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ С.А. Кутуков и Н.Д. Моисеев ссылаются на п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», отмечая, что «разъяснение субъекта ч. 4 ст. 210 УК РФ применимо и к ст. 210.1 УК РФ». Таким образом, по мнению авторов, субъектом преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, является лицо, совершившее конкретные действия по созданию или руководству преступным сообществом, либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе» [3, с. 336]. Предложенный авторами подход к определению субъекта преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, стирает границы между субъектами, а, следовательно, и составами преступлений, предусмотренными ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ, в результате чего положения ст. 210.1 УК РФ полностью поглощаются ч. 4 ст. 210 УК РФ. Таким образом, норма ст. 210.1 УК РФ, призванная облегчить порядок привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, теряет всякий смысл. В рамках доказывания по ст. 210.1 УК РФ не может рассматриваться деятельность лица по созданию преступного сообщества (преступной

организации), руководству им (ею) или входящими в него (нее) структурными подразделениями, координация действий организованных групп, создание устойчивых связей между ними, разработка планов и создание условий для совершения преступлений организованными группами, раздел сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами, участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп в целях совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Данные признаки являются элементами диспозиции нормы ч. 4 ст. 210 УК РФ: наличие в деянии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, хотя бы одного из указанных признаков свидетельствует о факте совершения им преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, а не преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ.

Верной в связи с этим представляется позиция А.Н. Мондохорова и О.Н. Штаб, отмечающих, что п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» не следует толковать в качестве оснований привлечения к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 210 УК РФ за статус лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, а необходимо рассматривать в качестве признаков деяний конкретного лица, свидетельствующих о его авторитете и лидерстве [4, с. 183; 5 с. 69], а действия по организации преступного сообщества и прочие конкретные управленческие действия не должны иметь значение для применения ст. 210.1 УК РФ [6, с. 57]. Общественная опасность наличия статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, заключается в потенциальной возможности реализации лицом своего «авторитета» в противоправных целях посредством оказания морально-психологического

воздействия на подконтрольное ему преступное сообщество. Субъект преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, является потенциальным субъектом преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, и, как ни парадоксально, выступает в роли своеобразной «стадии приготовления» к совершению данного преступления. При наличии объективной стороны деяния, выражающейся в реализации имеющегося морально-психологического потенциала по оказанию воздействия на подконтрольное преступное сообщество, преступление из «стадии приготовления» (ст. 210.1 УК РФ) перерастает в оконченное преступление (ч. 4 ст. 210 УК РФ).

По мнению В.В. Бычкова, субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, выражается в форме прямого умысла, который может быть только определенным, т.к. «он направлен на достижение четкого и единственного результата – **занятие** высшего положения в преступной иерархии». Лицо, занявшее высшее положение в преступной иерархии, осознает общественную опасность и противоправность своего статуса (роли) в преступной иерархии и желает этого. В интеллектуальный элемент умысла, по мнению автора, входит осознание того, что он занимает высшее положение в преступной иерархии, а волевой момент характеризуется желанием этого [7, с. 29]. Противоречивым и неопределенным представляется рассмотренная авторская позиция, поскольку, с одной стороны, он рассматривает умысел на достижение конечного

результата, которым является занятие высшего положения в преступной иерархии, а с другой – состояние лица, занимающего такое положение. В данном контексте умысел возникает у лица, не занимающего высшее положение в преступной иерархии, но стремящегося к данному положению как к конечному результату, к цели. С другой стороны, автор утверждает, что лицо «осознает, что оно занимает высшее положение в преступной иерархии», т.е. рассматривает такое положение как состояние, как свершившийся факт, достигнутый результат. Таким образом, при рассмотрении субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, В.В. Бычковым были совмещены обе

теории объективной стороны рассматриваемого преступления, предложенные

И.В. Пантюхиной и Л.Ю. Лариной: теория преступного состояния и теория стремления к преступному состоянию.

Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, помимо того, что является основным субъектом преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, одновременно является специальным субъектом преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, выступая квалифицирующим признаком деяний, предусмотренных частями 1 и 2 ст. 210 УК РФ. Уголовный закон содержит множество специальных субъектов преступлений, совершение преступного деяния которыми представляет особую общественную опасность. К числу таких субъектов относятся лица, занимающие определенное служебное, должностное положение, обладающие специальными навыками (ч. 2 ст. 109 УК РФ, ч. 2 ст. 118 УК РФ, ст. 124 УК РФ, ст. 125 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 127.2 УК РФ, ч. 2 ст. 128 УК РФ, ч. 3 ст. 128.1 УК РФ, ч. 2 ст. 137 УК РФ, ч. 2 ст. 138 УК РФ, ч. 3 ст. 139 УК РФ, ст. 140 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 141 УК РФ, ч. 2 ст. 151 УК РФ и т.д.) [8, с. 163-164], но ни один из составов преступлений, кроме ст. 210.1 УК РФ, не предусматривает уголовную ответственность лишь за принадлежность лица к числу специальных субъектов (занятие должности сотрудника правоохранительных органов, медицинского работника, должностного лица органа государственной власти или местного самоуправления; статус родителя, педагогического работника, либо иного лица, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего).

В этой связи наличие специального субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, в качестве лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, представляется допустимым и обоснованным, в то время как выделение его в качестве самостоятельного состава преступления в рамках ст. 210.1 УК РФ – нет.

Обращает на себя внимание конкуренция субъектов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210 УК РФ и ч. 4 ст. 210 УК РФ. Согласно ч. 1 ст. 210 УК РФ,

субъектом данного преступления является лицо, создавшее преступное сообщество (преступную организацию) в целях совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, либо руководившее преступным сообществом (преступной организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями, а равно координировавшее действия организованных групп, создавшее устойчивые связи между ними, разработавшее планы и создавшее условия для совершения преступлений организованными группами, разделявшее сферы преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами.

Согласно п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» субъектом преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, является лицо, создавшее или руководившее преступным сообществом (преступной организацией) либо координировавшее преступные действия, создавшее устойчивые связи между различными самостоятельно действующими организованными группами, либо разделявшее сферы преступного влияния и преступных доходов, а также совершившее другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). Кроме того, о лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п.

Отличительными признаками субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, согласно рассмотренному постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации, является (выделено нами. – А.М., А.С.) факт совершения лицом других преступных действий, свидетельствующих о его авторитете и лидерстве в преступном

сообществе (преступной организации), а также в качестве таких признаков **могут** (выделено нами. – А.М., А.С.) рассматриваться связи с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п.

Сравнительный анализ положений ч. 1 ст. 210 УК РФ и п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» позволяет сделать вывод о том, что: 1) доказанные признаки субъекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 210 УК РФ, **являются** (выделено нами. – А.М., А.С.) доказанными признаками субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ; 2) к числу исключительных признаков субъекта, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, **относится** (выделено нами. – А.М., А.С.) совершение лицом других преступных действий (не бездействий), свидетельствующих о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной иерархии); 3) к числу исключительных признаков субъекта, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, **могут** (выделено нами. – А.М., А.С.) относиться связи с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п.

В отличие от Уголовного кодекса Грузии, закрепившего в ст. 2231 уголовную ответственность именно «воров в законе», Уголовный кодекс РФ в ст. 210.1 предусматривает уголовную ответственность исключительно «лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии». Так, в отличие от российского законодательства в Грузии указан конкретный статус лица – «вор в законе», что дает основание полагать, что российский законодатель либо не ограничивает субъекта нового преступления этим статусом, либо считает невозможным использовать указанную терминологию на официальном уровне [8, с. 161].

Среди представителей научного сообщества нет единства во мнении о том,

должны ли подлежать уголовной ответственности по российскому законодательству исключительно «воры в законе», либо к ответственности могут быть привлечены лица, не имеющие такого звания (титула, статуса и т.п.). Так, дискуссия по данному вопросу выразилась в формировании трех основных позиций: 1) основанием привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ является наличие у него статуса «вор в законе» и выполнение им противоправных функций по руководству преступным сообществом; 2) основанием привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ является наличие у него статуса «вор в законе» [9, с. 86; 10, с. 235; 11, с. 81]; 3) не является основанием привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ наличие у него статуса «вор в законе», а требуется выполнение им противоправных функций по руководству преступным сообществом [18, с. 69; 14, с. 113; 25, с. 69; 13, с. 183; 16, с. 200].

I. Алфимова О.А., Никитенко И.В. и Якушева Т.В. выделяют формальный и функциональный критерии определения лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии: 1) наличие у лица высшего криминального статуса («вор в законе») в конкретном преступном сообществе (преступной организации); 2) наличие у лица управленческих полномочий в отношении представителей преступного сообщества на определенной территории (район, город, регион, исправительное учреждение и т.п.) и фактическая реализация таких полномочий [12, с. 16; 13, с. 61-62].

Хлебницына Е.А. и Шершакова Е.К. несколько расширили формальный критерий «по горизонтали», обратив внимание на необходимость учета не только и не столько «тюремного» статуса лица, сколько его положения в «свободных» криминальных кругах, поскольку такое лицо может занимать временный пост лидера в местах лишения свободы в исправительном учреждении (по поручению настоящих лидеров преступного мира, лиц, в действительности занимающих высшее положение в преступной иерархии), но не иметь этого статуса за пределами мест лишения свободы [14, с. 133]. Но также имеется неопределенность и в понимании

формального критерия «по вертикали», поскольку «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» может пониматься в глобальном смысле, а именно как лицо, находящееся на самой высокой ступени преступной иерархии, подразумевающей управление «профессиональной» преступной средой на всей территории Российской Федерации [15, с. 165] (по типу централизованной федерации), либо как лицо, занимающее высокое, но не высшее положение, поскольку единого криминального мира с четко выраженным центральным руководством на территории Российской Федерации не существует, так как распространена региональная преступность [16, с. 111] (по типу децентрализованной федерации или конфедерации).

II. Гришко А.Я. является сторонником позиции о том, что исключительно «вор в законе» должен быть отнесен к категории лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, поскольку только этот статус является пожизненным, в то время как криминальные статусы «положенца» и «смотрящего» являются временными [9, с. 84-88]. Максимова К.А. также полагает, что такими субъектами должны быть именно «воры в законе». Все остальные лица, именуемые «положенцами», «смотрящими», криминальными авторитетами (как собирательное понятие), кандидаты в «воры в законе», лица, приближенные к «ворам в законе» и пользующиеся их доверием и признанием в криминальной среде, а также лица, временно уполномоченные «ворами в законе» исполнять функции лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, не должны относиться к категории рассматриваемых лиц [11, с. 81]. Рязанов Н.С. настаивает на необходимости учета следующего обстоятельства: «При всём многообразии преступных сообществ и преступных организаций, координирующей и управляющей «надорганизацией» продолжает оставаться сообщество «воров в законе» — лидеров организованной преступной среды, активных криминальных деятелей, доказавших свою верность преступным идеям, связям, соучастникам и выполняющих широкие организаторские функции в преступной среде», в связи с чем

необходимо внедрить практику привлечения к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 210 УК РФ только «воров в законе» (а не каких-либо иных лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии) [10, с. 234-235].

В опровержение представленной позиции С.А. Кутуковым отмечается, что в предмет доказывания обвинения по ст. 210.1 УК РФ входит не только установление факта приобретения обвиняемым титула «вора» («вора в законе»), но и того, что все обладатели такого титула не формально, а реально попадают на высшую организационно-управленческую ступеньку криминальной иерархии определенного организованного преступного формирования, в противном случае дедукция неприменима: на основании установленного судом факта – подсудимый имеет статус «вора в законе» – нельзя сделать вывод, что он занял высшее положение в преступной иерархии [17, с. 184]. Иными словами, прежде чем привлекать к уголовной ответственности за занятие положения «вора в законе» (даже при условии, что данный факт будет неопровержимо доказан), необходимо доказать наличие знака равенства между категориями «вор в законе» и «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии». В противном случае можно доказать факт того, что человек является филателистом, шахматистом, экспрессионистом и т.п., и сделать из этого абсурдный вывод, что он является лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Отсутствие доказанного равенства категорий «вор в законе», филателист, шахматист, экспрессионист с категорией «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» не позволяет сделать вывод о том, что доказанная принадлежность лица к соответствующей социальной группе является доказанной принадлежностью его к категории субъектов преступления, предусмотренных ст. 210.1 УК РФ. Равенство рассматриваемых категорий «вор в законе» и «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» должно обосновываться не соображениями интуитивного характера «Всем же понятно,

что «вор в законе» – это лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», а обоснованными и логичными доводами о том, что: 1) данные категории совпадают по объему (всякий «вор в законе» является лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, и всякое лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, является «вором в законе»); либо 2) категория «вор в законе» полностью входит в категорию «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» (всякий «вор в законе» является лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, но не всякое лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, является «вором в законе»). При доказанности же тезиса «некоторые «воры в законе» являются лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, а некоторые лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, являются «ворами в законе»» следует вывод о том, что: 1) некоторые «воры в законе» не являются лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии; 2) некоторые лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, не являются «ворами в законе». В таком случае доказательство принадлежности лица к категории «вор в законе» не может являться доказательством его принадлежности к числу лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Лишь частичное пересечение областей понятий «вор в законе» и «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» имеет историческое обоснование. В начале 90-х XX в. преступный мир условно был поделен на две части: преступное сообщество в исправительных учреждениях и преступное сообщество на свободе. Влияние «воров в законе» распространялось на места лишения свободы, в то время как за их пределами главенствующую роль занимали лидеры преступных формирований (т.н. «бригады»), формируемых из числа спортсменов, бывших участников боевых действий и т.д. «Воры в законе» безгранично властвовали в учреждениях уголовно-исполнительной

системы и не имели власти на свободе; бандиты, наоборот, были бесспорными лидерами на свободе и «рядовыми арестантами» в местах изоляции от общества. Со временем, по мере привлечения к уголовной ответственности бандитов и освобождения от наказания «воров в законе», произошла «диффузия» преступных сообществ, частичное проникновение норм криминальной субкультуры в традиции и обычаи бандитского мира и занятие «ворами в законе» лидирующих позиций по руководству преступным сообществом на свободе. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что не все «воры в законе» являлись лицами, занимавшими высшее положение в преступной иерархии, и не все лица, занимавшие высшее положение в преступной иерархии, являлись «ворами в законе».

Никитенко И.В. и Якушевой Т.В. отмечают, что кроме «воров в законе» другим типом «лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии», в криминологии признаются лидеры организованных преступных объединений, не относящиеся к «ворам в законе», однако обладающие авторитетом и реальной властью в преступной среде [13, с. 61]. Нельзя исключить возможность признания лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, лидера преступного сообщества, например, регионального масштаба, которое можно рассматривать в качестве структурного подразделения другого межрегионального преступного сообщества [4, с. 183]. Кроме того, недопустимо привлекать к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ лицо, «отошедшее от дел», т.е. фактически занимающее высшее положение в преступной иерархии, но не причастное к совершению конкретных преступных деяний, в особенности, когда такое лицо не занимается криминальными делами из-за старости или болезни, когда оно объективно не в состоянии принимать участие в преступной деятельности [8, с. 165; 18, с. 200].

III. Шишков А.А. писал о том, что «при определении принадлежности индивида к числу лиц, занимающих высшее положение в тюремной иерархии, следует руководствоваться не столько его субкультурным именованием, сколько характером совершаемых им действий,

степенью влияния на других осужденных, наличием устойчивых связей в уголовно-преступной среде и др.» [19, с. 83], поскольку «если бы лицо не обладало каким-либо авторитетом в криминальных кругах, то не могло бы осуществлять функции руководителя» [6, с. 57].

В этой связи И.В. Пантюхиной и Л.Ю. Лариной предлагалось включить в диспозицию ст. 210.1 УК РФ «деяние в форме **использования** (выделено нами. – А.М., А.С.) высшего положения в преступной иерархии», что позволило бы привлекать к ответственности лиц, осуществляющих функции лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, и оставить за рамками применения ст. 210.1 УК РФ лиц, которые полностью отошли от преступной деятельности и перестали влиять на криминальную среду [8, с. 159].

Прокументов Л.М. по этому поводу иронично отмечает, что согласно правилам формальной логики «скинхеды» – преступники; руководитель группы скинхедов, являясь самым главным среди них преступником, обладая лидерскими качествами, способен организовать, сплотить и управлять ими. Следовательно, руководитель группы «скинхедов» может быть признан лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии [20, с. 87]. К числу таких лиц могут быть отнесены и лидеры футбольных фанатов, «неформалов» (панков, рокеров и т.п.), нередко организующие их противоправную деятельность.

Игишев В.С., Романова Н.Л. и Лапша В.Л., в свою очередь, задаются вопросом о том, относится ли лидер лиц, имеющих низший социальный статус, к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, учитывая тот факт, что он осуществляет руководство значительной частью преступного сообщества и участвует в собраниях лидеров преступной среды с правом совещательного голоса? Кроме того, по справедливому замечанию авторов, в местах лишения свободы складываются группировки лиц из числа лиц, имеющих низший социальный статус представителей экстремистских религиозных организаций (радикального ислама), вовсе не признающих криминальную субкультуру, возглавляемые «старшим по мечети». Относятся ли, в связи с этим, лидеры

«ваххабитов» к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии? [21, с. 86-87].

Помимо прочего, требуется разграничение понятий «организатор», «руководитель», «лидер», используемых в ч. 1.1 ст. 210 УК РФ, и понятия «организатор», используемого в ч. 3 ст. 33 УК РФ, а также понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», используемого в ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ.

Штаб О.Н. справедливо замечает, что в науке уголовного права существует четкое понятие организатора преступления, закрепленное в ч. 3 ст. 33 УК РФ, а авторами постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» была предпринята неудачная попытка объяснить уголовно-правовое понятие «организатор» путем обращения к понятию «лидер», заимствованному из социальной психологии. Автор также задается вопросом, кто является самостоятельным субъектом преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, т.е. лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии? По мнению автора, «это те же самые создатели, организаторы и руководители преступного сообщества (преступной организации), об уголовной ответственности которых указано в ч. 1 ст. 210 УК РФ [5, с. 69].

Думается, наличие отсылочной нормы ч. 4 ст. 210 УК РФ к ч. 1.1 ст. 210 УК РФ свидетельствует о том, что организатор, руководитель (лидер) преступного сообщества (преступной организации) может не занимать высшее положение в преступной иерархии, поскольку уголовная ответственность по ч. 4 ст. 210 УК РФ возникает лишь в том случае, если организатор, руководитель (лидер), участвовавший в собрании представителей «криминальной элиты» занимал высшее положение в преступной иерархии, в противном случае ответственность наступает по ч. 2 ст. 210 УК РФ. При

совпадении данных понятий наличие 1.1 ст. 210 УК РФ было бы излишним.

Занятие лицом высшего положения в преступной иерархии предусмотрено одновременно двумя статьями российского уголовного закона: ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ, что породило конкуренцию данных норм при квалификации рассматриваемого преступного деяния.

Отмечается, что имеет место быть конкуренция между целой нормой и частью нормы, разрешаемая в пользу нормы, с наибольшей полнотой охватывающей все фактические признаки совершенного деяния: при наличии установленного факта квалификации по ч. 4 ст. 210 УК РФ дополнительной квалификации по ст. 210.1 УК РФ не требуется. Кроме того, в соответствии с правилами квалификации преступлений при полном совпадении признаков преступления выбирается та норма закона, где санкция за совершение того или иного общественно опасного деяния более суровая, а санкция ч. 4 ст. 210 УК РФ значительно превышает санкцию ст. 210.1 УК РФ [22, с. 95-96; 23, с. 46-47].

При квалификации занятия высшего положения в преступной иерархии у правоприменителя может возникнуть вопрос об идеальной совокупности преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ, но такая квалификация нарушает принцип недопустимости повторного наказания за одно и то же преступление. Проблема избыточной квалификации в данном случае может быть решена путем декриминализации одной из конкурирующих норм: либо исключением из уголовного закона ч. 4 ст. 210 УК РФ, что позволит применять ст. 210 УК РФ по совокупности со ст. 210.1 УК РФ, либо отказом от ст. 210.1 УК РФ [24, с. 41]. Последний вариант вряд ли возможен, учитывая то обстоятельство, что ст. 210.1 УК РФ позволяет привлечь лицо к ответственности «в упрощенном порядке» – лишь за то, что лицо имеет данный статус, независимо от того, состоит ли он в каком-либо преступном сообществе, является ли его создателем или руководителем [25, с. 280], что позволяет правоохранительным органам избегать необходимости

доказывания его принадлежности к организации деятельности преступного сообщества. Таким образом, ст. 210.1 УК РФ выступает, своего рода, «запасным выходом» из ситуации невозможности применения ч. 4 ст. 210 УК РФ в силу недоказанности причастности лица к созданию и руководству преступным сообществом (преступной организацией).

Конкуренция норм ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ порождает логический парадокс, при котором выделяются некие лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии без созданного или контролируемого ими преступного сообщества (преступной организации), являющегося основой данной иерархии, выступающие своего рода «министрами без портфеля», руководителями без подчиненных. В теории криминальной субкультуры такие лица именовались «апельсины» («мандарины», «лаврушники»), они не имели влияния в преступных организациях (преступных сообществах), а приобретали данный статус в качестве «почетного звания», атрибута, визитки.

Интересной представляется санкция, предусмотренная законодателем за занятие высшего положения в преступной иерархии, предусматривающая возможность взыскания с лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, штрафа в размере заработной платы осужденного за период до пяти лет, учитывая то обстоятельство, что согласно нормам криминальной субкультуры «ворам в законе» (отождествляемым законодателем с лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии) запрещается иметь официальное трудоустройство.

На сегодняшний день остается предметом дискуссии разграничение субъектов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210 УК РФ, ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ, что вызвано различными подходами к их определению. Дефект права, выразившийся в отсутствии легально закрепленной объективной стороны преступления в диспозиции ст. 210.1 УК РФ вынуждает научное сообщество к доктринальному восполнению данного пробела, а правоприменителя – к

использованию квазибланкетного способа восполнения пробела путем обращения не к нормам действующего законодательства, а к обычаям и традициям криминальной среды, которыми определяется соответствующее «высшее положение в преступной иерархии».

1. Морозов А.С., Сухаренко А.Н. Актуальные проблемы квалификации деяния, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» (статья первая) // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2023. № 1(65) . С. 96-105
2. Царев Д.А., Павлов А.А. Правовая превенция пенитенциарной преступности на примере ст. 210.1 УК РФ // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. – Вологда, 2020.
3. Кутуков С.А., Моисеев Н.Д. Особенности применения ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» в исправительных учреждениях // Правовая культура в современном обществе: сб. науч. ст. IV междунар. науч.-практ. конф. – Могилев, 2021.
4. Мондохонов А.Н. Особенности уголовно-правового статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 2.
5. Штаб О.Н. Проблемы применения части 4 статьи 210 УК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России.
6. Башкова П.С., Шиханов В.Н. К вопросу о квалификации преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: материалы науч.-представительских мероприятий Всероссийской науч.-практ. конф. и Региональной науч.-практ. конф. – Орёл, 2020.
7. Бычков В.В. Уголовно-правовая характеристика высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3.
8. Пантюхина И.В., Ларина Л.Ю. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) // Lex russica. 2020. № 10 (167).
9. Гришко А.Я. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (часть 4 статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3 (94).
10. Рязанов Н.С. Проблемы квалификации преступлений по ст. 210 УК РФ // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 1 (38).
11. Максимова К.А. К вопросу о содержании понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», используемого законодателем в ч. 4 ст. 210 УК РФ // Вопросы юридической науки: взгляд молодых ученых: сб. ст., посвященный 20-летию Алтайской академии экономики и права. – Барнаул: изд-во ААЭП, 2013.
12. Алфимова О.А. Некоторые вопросы привлечения к уголовной ответственности по части 4 статьи 210 и статье 210.1 УК РФ, связанные с необходимостью определения некоторых понятий // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сб. тезисов выступлений и докладов участников форума, приуроченного к проведению в 2021 году в Российской Федерации года науки и технологий: в 9 т. – Рязань, 2021.
13. Никитенко И.В., Якушева Т.В. Организация преступного сообщества: проблемы квалификации // Уголовное право. 2010. № 5.
14. Хлебницына Е.А., Шершакова Е.К. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы теории и практики // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4.

15. Агильдин В.В., Ловцевич, С.Е., Лохова А.А. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и реализации // Молодой ученый. 2019. № 24 (262).

16. Скобликов П.А. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и применения ч. 4 ст. 210 УК РФ // Закон. 2019. № 7.

17. Кутуков С.А. Проблемы организации документирования по ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» в условиях исправительных учреждений // Актуальные проблемы организации деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в условиях развития: материалы межвузовской науч.-практ. конф., посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора

А.И. Зубкова и Дню российской науки. – Рязань, 2021.

18. Пантюхина И.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) как состав преступления // Новеллы права, экономики и управления: сб. науч. тр. по материалам V междунар. науч.-практ. конф. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2020.

19. Шишков А.А. Проблемы дефиниции занятия высшего положения в тюремной иерархии // *Ius publicum et privatum*. – Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологодский государственный университет, 2021.

20. Прокументов Л.М. Проблемы применения ст. 210 УК РФ, обусловленные особенностями субъекта // Актуальные проблемы уголовного права: сб. науч. ст. – Барнаул, 2012.

21. Ишигеев В.С., Романова Н.Л., Лапша В.Л. Криминальная субкультура и ее роль в определении высшего положения в преступной иерархии (вопросы квалификации статьи 210.1 УК РФ) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (93).

22. Коротков А.В., Еремина Н.В. К вопросу целесообразности статьи 210.1 УК РФ и изменений статьи 210 УК РФ в действующем уголовном законодательстве // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной всероссийской науч.-практ. конф., 2019.

23. Зарубина К.А. Трудности применения ст. 210.1 УК РФ на практике // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова. 2021. № 2 (87).

24. Топильская Е.В. Об особенностях составов преступлений, предусмотренных статьями 210 и 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Криминалист. 2020. № 2 (31).

25. Бакиров Б.А., Бикеев И.И. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы и способы реализации ч. 4. ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ // Научные исследования: фундаментальные и прикладные аспекты 2021: сб. науч. тр. – Казань, 2021.

Информация об авторах:

А.С. Морозов, доцент кафедры организации режима, кандидат юридических наук, доцент

А.Н. Сухаренко, директор, независимый антикоррупционный эксперт (свидетельство Министерства юстиции Российской Федерации об аккредитации № 2740 от 24.05.2017)

About the authors:

A.S. Morozov, Associate Professor of the Department of Regime Organization, PhD of Law, Associate Professor

A.N. Sukharensko, Director, independent anti-corruption expert (Certificate of the Ministry of Justice of the Russian Federation on accreditation No. 2740 dated 24.05.2017)

Статья поступила в редакцию 13.02.2023